

ФІЛОЛОГІЯ

Мовознаўства

УДК 81'276.6:002.2

UDC 81'276.6:002.2

МАНИПУЛЯТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ЯЗЫКЕ СМИ

MANIPULATIVE CONSTITUENT OF INDIRECT SPEECH ACTS IN MASS MEDIA LANGUAGE

О. Ю. Флисак,
*аспірант кафедры общего
и русского языкознания БГПУ*

O. Yu. Flisak,
*Post-Graduate Student of the Department
of General and Russian Linguistics, BSPU*

Поступила в редакцию 04.05.16

Received on 04.05.16

В статье проанализированы структурные компоненты речевого акта в целом и косвенного речевого акта в частности. Определены следующие цели: установить место и роль манипулятивной составляющей в структуре косвенного речевого акта на материале языка СМИ. Автор статьи приходит к выводу, что манипулятивный компонент является результатом сосуществования двух иллокутивных целей: одна из них открыта для распознавания, но не совпадает с подлинной целью говорящего, другая – скрыта от реципиента. Именно в имплицитной иллокутивной цели и содержится манипулятивный компонент косвенного речевого акта. Сама иллокутивная составляющая задает структуру текста и определяет выбор языковых механизмов, направленных на ее успешную реализацию.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, лингвистическая прагматика, иллокутивная цель, перлокутивный эффект, директив.

This article is devoted to the analysis of structural components of a speech act as a whole and indirect speech acts (ISA) in particular. The purpose of this article is to establish the place and role of the manipulative component in ISA structure imposed upon the material of media language. The author concludes that the manipulative component is the result of the coexistence of two illocutionary purposes: one of them is opened to recognition, but does not coincide with the real aim of the speaker, and the other one is hidden from the recipient. The manipulative component of ISA is contained in its implicit illocutionary purpose. The very illocutionary component sets the structure of the text and determines the choice of language mechanisms aimed to bring about its successful implementation.

Keywords: indirect speech act, linguistic pragmatics, illocutionary purpose, perlocutionary effect, directive.

В условиях мировой напряженности, обострения социальных, политических, межэтнических конфликтов возрастает роль прагматической функции языка массовой коммуникации. Язык становится приоритетным инструментом как переговорных процессов, так и информационных войн, в которых каждый из участников старается склонить как можно большую часть аудитории на свою сторону, представив собственную точку зрения по определенному вопросу как единственно правильную.

Такой коммуникативный полифонизм возлагает на современного получателя информации определенную долю ответственности. Становится актуальным факт не просто пассивного восприятия информационной действительности, но и ее рационального осмысления, необходимости взвешенно подходить к анализу каждого из представленных различными сторонами мнений. Именно поэтому на первый план

выходит вопрос коммуникативной грамотности адресата, заключающейся в умении распознавать скрытые механизмы воздействия в речи, что и определяет актуальность данного исследования. Важно при этом учитывать параметр «преднамеренность» / «непреднамеренность» создания перлокутивного эффекта, так как «практически в любом речевом действии мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чем-то или выражаем эмоции» [1, с. 69].

Как известно, теория речевых актов составляет основу лингвистической прагматики, а сам речевой акт выступает минимальной прагматической единицей общения. Косвенные речевые акты (далее – КРА) в рамках данной теории, на наш взгляд, представляют собой коммуникативный феномен, заслуживающий особого внимания во многом благодаря своей манипулятивной составляющей, содержащейся в имплицитном компоненте. В связи с этим возникает необходи-

мость в рассмотрении структуры речевого акта в целом и КРА в частности. Целью настоящей работы является выявление роли и способа образования манипулятивного компонента в КРА.

Сам речевой акт является трехуровневым образованием: *локутивный акт* (лексические и грамматические средства, участвующие в создании речевого акта); *иллокутивный акт* (намерение говорящего: вопрос, ответ, информирование, просьба и т. д.); *перлокутивный акт* (воздействующая составляющая) [2, с. 92–93].

Структура КРА будет отличаться лишь изменениями в иллокутивном акте, связанными с наличием двух иллокутивных целей: одна из них открыта для распознавания, но не совпадает с подлинной целью говорящего, другая – скрыта от реципиента. Именно в имплицитной иллокутивной цели и содержится манипулятивный компонент КРА.

Таким образом, под КРА понимаются случаи, «когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого» [3, с. 196]. Иными словами, первый речевой акт представляет собой фасад, который должен привлечь внимание адресата. Второй содержит истинное намерение говорящего.

Иллокутивная цель занимает в речевом акте центральное место. Так, наибольшее признание получила классификация Дж. Серля, основу которой составляет группа из 12 признаков: иллокутивная цель, степень императивности иллокутивной цели, выраженное психологическое состояние говорящего, ситуация общения, соотнесенность иллокутивной цели высказывания и социальной вежливости и др. Данные параметры позволили выделить пять основных иллокутивных типов: *репрезентативы* (отражают реальное положение дел), *директивы* (призваны побудить адресата к определенной деятельности), *комиссивы* (принятие говорящим каких-либо обязательств), *экспрессивы* (выражают психологическое состояние говорящего), *декларативы* (вносят изменения в положение дел адресата) [4].

В рамках нашего исследования интерес представляет группа директивных речевых актов, для которых воздействующая функция является ведущей характеристикой. Мы опираемся на классификацию директивов, предложенную Е. И. Беляевой. С точки зрения воздействия на собеседника директивы в ней представлены тремя типами: *прескриптивы*, предписывающие действия адресату (приказ, разрешение, запрещение); *реквестивы*, побуждающие к действию, которое совершается в интересах говорящего (просьба, мольба, приглашение); *суггестивы* (совет, предложение и предупреждение) [5, с. 15–20].

Прагматическая функция КРА в существующих исследованиях рассматривается на материале художественных и рекламных текстов. В связи с этим для создания более полной карти-

ны данного явления возникает необходимость изучения манипулятивного потенциала имплицитных компонентов КРА на материале текстов, представленных в различных жанрах периодической печати.

Успешная реализация иллокутивной цели и достижение необходимого перлокутивного эффекта невозможны без учета языкового и экстралингвистического параметров. Как справедливо отмечает Р. М. Блакар, «каждый языковой элемент является очень сложным и чувствительным инструментом, на котором играет тот, кто пользуется языком. Таким образом, восприятие и понимание, рождающееся у получателя, зависят от того, как пользуется этим тонким инструментом отправитель» [6, с. 90].

Важность правильного подбора языковых средств определяется опосредованностью массовой коммуникации и, как правило, отсутствием личного контакта между ее участниками. Такой характер распространения информации создает определенные трудности при ее восприятии, одной из которых является рассредоточенность внимания реципиента, возникающая в результате многопоточности информационного поля.

В прямом речевом акте манифестация иллокутивной цели осуществляется с помощью языковых маркеров, представленных перформативными глаголами (*приказываю, запрещаю, советую, прошу* и т. д.), либо императивной формой глагола для директивных речевых актов. Но особенности психологии человека в большинстве случаев приводят к неприятию открытых попыток принудить его к выполнению определенного действия. По мнению Е. К. Тепляковой, «игнорирование фактора учета социальных ролевых отношений, личностных качеств и убеждений собеседника, неоправданная уверенность в обладании правом требовать, приказывать, распоряжаться собеседником приводит к тому, что слушающий оказывается не готов выполнить ожидаемое от него действие» [7, с. 12].

Имплицитный компонент косвенных речевых актов, как правило, «не имеет специальных средств для своего выражения и выводится из содержания высказывания, общей ситуации речи или общих фоновых знаний участников коммуникации» [8, с. 40]. Вот почему для успешной реализации своего коммуникативного намерения адресант должен учитывать и ряд факторов экстралингвистического характера: ситуацию общения, культурно-исторический контекст, социальный статус коммуникантов и т. д.

Как показывает языковой материал, в большинстве случаев осуществление манипулятивного эффекта достигается за счет подмены директивного речевого акта репрезентативом.

В Беларуси поддельные лекарства не попадают на прилавки (СБ. 13. 04. 2016).

Данное высказывание представляет собой косвенный реквестив, иллокутивная цель которо-

го заключается в выражении просьбы населению страны не волноваться за качество реализуемых государственных средств.

Нынешняя ситуация на рынке недвижимости – это тот редкий шанс для покупки квартиры в новостройке, который выпадает покупателям раз в 10 лет (СБ. 04. 04. 2016).

Интенция косвенной просьбы не находит в приведенном примере прямого выражения на языковом уровне, а обусловлена контекстом коммуникативной ситуации, благодаря чему имплицитируется мысль, представляющая собой приглашение к покупке недвижимости.

Импликация иллокутивной цели в КРА может осуществляться и средствами синтаксиса.

Конечно, осенью можно отправиться отдохнуть в какую-нибудь жаркую страну, типа Египта, и по приезду долго проходить акклиматизацию. Но разве не лучше поехать в один из санаториев старой и доброй Литвы, которая, ой, как изменилась с советских времен! (КП. 12. 10. 2011).

За репрезентативным речевым актом в данном случае скрыт совет, а наличие отрицания позволяет сделать этот совет менее категоричным.

Банковский вклад – самый популярный и чуть ли не самый единственный способ, благодаря которому белорус может подзаработать на своих сбережениях, и кризисные времена – не повод отказываться от дополнительного дохода.

– Сейчас имеет смысл разделять сбережения между рублевыми и валютными депозитами, – советует Вадим Иосуб, старший аналитик Альпари (КП. 30. 03. 2016).

В данном примере замена перформативного глагола, выражающего иллокутивную цель совета описательной конструкцией, позволила представить данное высказывание как репрезентативный речевой акт.

– Есть ли смысл в покупке квартиры с точки зрения инвестиции? Все-таки аренда сильно подешевела, много на этом не заработаешь...

– Квартира – это долгосрочное вложение. Если сдавать жилье, то его стоимость в любом случае придется возвращать минимум десять лет. По сути, этот доход от сдачи квартиры – то же самое, что доход от процентов по банковским вкладам, и они всегда были примерно равны. Но есть другой момент: через несколько лет цены снова пойдут вверх, и тогда на перепродаже квартиры можно будет выиграть 10 тысяч долларов (КП. 30. 03. 2016).

Ответ на вопрос в форме репрезентатива дает возможность говорящему снять с себя ответственность, переложив выбор одного из вариантов на адресата.

В районе города Идомени, где расположен один из лагерей для мигрантов, скопилось более 11 тысяч беженцев. В конце марта, после сделки Евросоюза с Турцией, греческие власти начали вывоз беженцев отсюда, что и спровоцировало бунт. «Евроныюз» процитировал характерное высказывание одного из бунтовщиков, который заявил, что они готовы прорваться в Евросоюз любой ценой. И добавил: «Хватит с нас всех этих европейских резолюций и женеvских конференций!»

Трудно найти более точный вывод из всей этой затянувшейся истории. Жаль только, в Брюсселе предпочитают не слышать в нем ничем не скрывааемую угрозу (СБ. 12. 04. 2016).

Иллокутивная сила прямого речевого акта заключается в констатации определенного факта. В то время как косвенное содержание высказывания содержит прямую угрозу в адрес Евросоюза, требование к осуществлению ряда действий для стабилизации обстановки.

В Беларуси будет разработан законопроект о вспомогательных репродуктивных технологиях. Об этом сообщила заместитель председателя Постоянной комиссии Палаты представителей по охране здоровья Светлана Шилова, передает БелТА. В частности, парламентарий выступает против бесплатного проведения ЭКО для бесплодных пар, поскольку, по ее мнению, бесплодие на 90 % зависит от образа жизни мужчины и женщины до брака или в браке. «Почему государство должно платить за безответственное поведение? – задается вопросом Светлана Шилова. – Не лучше ли эти деньги направить в детские дома?» (КП. 21. 12. 2009).

Группа вопросов в данном примере служит для выражения упрека, заставляющего задуматься о рациональности осуществляемых действий, а вопросительно-отрицательную форму в последнем предложении можно рассматривать как смягченную просьбу.

Таким образом, иллокутивная цель является важнейшей составляющей КРА. Двойственность этой цели позволяет создать имплицитный компонент, способный оказать манипулятивное воздействие на получателя информации, заключающееся в активизации определенных действий со стороны реципиента. Именно иллокутивная составляющая задает структуру текста и определяет выбор языковых механизмов, направленных на ее успешную реализацию. Отличительной особенностью иллокутивной составляющей КРА является отсутствие в поверхностной структуре высказывания формальных показателей интенции адресанта. Наиболее частотными случаями импикации иллокутивной цели являются: подмена директивного речевого акта репрезентативом, замена перформативного глагола описательной конструкцией, использование вопросительно-отрицательных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с.
2. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 22–129.
3. Сёрль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 195–283.
4. Сёрль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
5. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
6. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использование в социальном контексте) / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального воздействия: Перевод с разл. яз. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88–125.
7. Теплякова, Е. К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе: на материале соврем. нем. яз. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. К. Теплякова. – Тамбов, 1998. – 157 с.
8. Долинин, К. А. ИмPLICITное содержание высказывания / К. А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37–47.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. – Volgograd : Peremena, 2002. – 331 s.
2. Ostin, Dzh. L. Slovo kak deystviye / Dzh. L. Ostin // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. – M. : Progress, 1986. – Vyp. 17. – S. 22-129.
3. Syorl, Dzh. R. Kosvennyye rechevyye akty / Dzh. R. Syorl // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. – M. : Progress, 1986. – Vyp. 17. – S. 195-283.
4. Syorl, Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov / Dzh. R. Syorl // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. – M. : Progress, 1986. – Vyp. 17. – S. 170-194.
5. Belyayeva, Ye. I. Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliyskiy yazyk / Ye. I. Belyayeva. – Voronezh : Izd-vo VGU, 1992. – 168 s.
6. Blakar, R. M. Yazyk kak instrument sotsialnoy vlasti (teoretiko-empiricheskoye issledovaniye yazyka i yego ispolzovaniye v sotsialnom kontekste) / R. M. Blakar // Yazyk i modelirovaniye sotsialnogo vozdeystviya: Perevod s razl. yaz. – M. : Progress, 1987. – S. 88-125.
7. Teplyakova, Ye. K. Kommunikativnyye neudachi pri realizatsii rechevykh aktov pobuzhdeniya v dialogicheskom diskurse: na materiale sovrem. nem. yaz. : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.04 / Ye. K. Teplyakova. – Tambov, 1998. – 157 s.
8. Dolinin, K. A. Implitsitnoye sodержaniye vyskazyvaniya / K. A. Dolinin // Voprosy yazykoznaviya. – 1983. – № 6. – S. 37-47.

ДЕРЖАВНИЙ